

Минеева Дарья

Серия: «Дневники пуританина»

**Булавка в виде тюльпана:
из бытности Билла Хукера.
Повесть вторая**

Дарья Минеева
Булавка в виде тюльпана:
из бытности Билла
Хукера. Повесть вторая
Серия «Дневники пуританина», книга 3

*<https://litres.ru/73921554>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Эта повесть является ответвлением романа "Булавка в виде тюльпана".

Билл проходит путь от зеленого юнца, впервые переступившего порог контрабандистской норы, до подающего надежды делателя, чье имя гуляет по подполью. Торговля с французами становится его ремеслом, а капитан Черч берет на себя роль его наставника, которому он обязан больше, чем отцу. Но за каждый успех приходится платить. Королевский шпион выходит на его след.

Дарья Минеева

Булавка в виде тюльпана: из бытности Билла Хукера. Повесть вторая

1682–1685

Биллу надели на голову мешок. Он не сопротивлялся — Черч предупредил: «Так надо. Не дергайся». Пальцы загибались, пока он считал шаги: двадцать семь до поворота, потом тридцать четыре, потом ступени — вниз, скользкие, сбитые. Дверь. Еще дверь. Вниз, вверх, снова вниз.

В конце коридора Черч остановился. Велел: «Стой».

Стукнул единожды костяшками — по дереву, глухо. Еще три раза, быстро. Пауза, еще два — медленнее.

«Свои».

Щелкнул засов, и их пустили. Шаги тонули в половицах: под низ подстелили солому, дабы не гремели. Дверь бесшумно закрылась за спиной — должно быть, обили войлоком или кожей — и отрезала поток воздуха.

Духота и жара сапогом ударили в нос. Пахло всем, чем только можно: затхлостью и гнилью, выпивкой, прокопченной рыбой, воском, дубленой кожей, железом и — чуть-чуть

— ладаном.

Присутствие людей чувствовалось кожей: они дышали, шуршали одеждой, перешептывались, кашляли взхлеб; кто-то скреб ногтем по стене — беспокойно, без остановки. Не зная Билл, куда Черч ведет его — можно было решить, что в тюремные застенки.

Некто распорядился: «Снимите».

Мешок стянули. Чиркнуло огниво, озаряя лицо Билла в полумраке. Вспыхнула свеча, вторая, третья — десятки. Не сразу — одна за другой, как звезды на вечернем небе. Плошки с жиром на крюках давали больше света. Пламя дрожало, отчего мерещилось, что стены движутся. На столе в центре — коптилка, масляная, чадающая. Желтый круг падал на столешницу, руки, край чьей-то щеки. Остальное тонуло во тьме.

Земляной потолок царапал макушку; корневища нависали так, что высоким приходилось сутулиться.

Вдоль стен — темные силуэты. Не пятьдесят. Не сто. Много. Везде: сидели на корточках, бочках, балках, уступах, лестнице; стояли плотно, плечом к плечу. Всякие: старые и молодые, в дорогом сукне и в рванье, с пистолями за поясом и с пустыми руками. И все таращились в одну точку: на него.

Сидевший за столом подал голос: «Ну наконец. Сие и есть твой протеже, Черч?»

Женский? Жена в таком месте? Нет, мужской, но высокий, прицепленный.

Говоривший вертел в пальцах перо. Не писал — просто вертел.

«Да, собственной персоной».

Черч подтолкнул Билла к столу. Сапоги заскрежетали по песку. Его тут же охватили пристальным вниманием — ощупывали, изучали, взвешивали.

Билл не видел, с кем имеет честь, но на всякий случай решил поздороваться.

«Сэр».

Тот осадил его: «Запомни: здесь нет никаких сэров-мэров-пэров. Черч нам шепнул, ты хочешь в "нору". За каким?»

«Хочу сам за себя отвечать».

Собеседник издал нечто сдавленное: не смех — так, ветер сквозь зубы.

«Не по адресу. Тут все отвечают за всех. Ты готов?»

«Готов».

Из-за стола встал другой, в рыбацкой шапке. Билл заприметил неправильно сросшийся нос и абордажную саблю за поясом. Он навис над Биллом.

«Молодой. Сколько тебе?»

«Двадцать три».

Черч дернулся, но смолчал. А контрабандист, судя по всему, ни на йоту не поверил сим байкам.

«Да куда там. Еще голос не сломался как следует. Молокосос».

Сдвинул шапку, почесал голову.

«Что ж. Черч поручился за тебя. Сие многого стоит. Но не всего».

«Что еще нужно?»

«Залог».

«У меня нет денег».

Третий за столом вмешался: «Деньги нам не нужны».

Он присвистывал на каждом шипящем слог.

«Нужна уверенность в тебе. Удар держать можешь?»

«Ну да».

Тот, что с некогда сломанным носом, дал ему под дых. Без предупреждения, снизу, кулаком или рукоятью сабли. Билл согнулся, пошатнулся; воздух вышибло из живота.

Присвистывающий признал: «Неплохо, неплохо. Не упал».

Билл кое-как выпрямился, сжимая рубаху на солнечном сплетении. Не застонал — вытер слюну с губ тыльной стороной ладони.

«Сие и был залог?»

«Не так быстро. Пока пометим карандашом, что выноси-
мый, сразу не загнишься. А залог — твоё имя. Назовись».

«Не назовусь».

«Нора» ожила. Силуэты у стен зашушукались.

Присвистывающий переспросил с тем равнодушием, с каким взвешивают муку: «Не назовешься? Как хочешь. Сами узнаем. И всю твою подноготную».

Очередь вернулась к прицепленному.

«Хорошо. Покажи, как размышляешь. Коли схватят по подозрению в контрабанде — как выкручиваться станешь?»

Билл не торопился с ответом.

«Правду скажу».

В «норе» стало еще тише, коли такое возможно в скоплении людей. Биллу, похоже, удалось их удивить.

«...правду?»

Он поправился: «Часть правды. Скажу, прислуживаю Черчу и выполняю его поручения. Остального не знаю».

Перо отчетливо хрустнуло в руках прицепленного.

«Ты сдашь Черча, я правильно понимаю?»

Капитан и сам не ожидал. Он прищурился, сисясь разгадать замысел новичка.

«Ну. Кто поверит рядовому, что клеветает на капитана? Проверят его, а у него алиби. А то и не станут заморачиваться. Поймут, что не знаю ничего. Отпустят с наказанием».

Что-то поскрипело — прицепленный потер висок все тем же многострадальным пером.

«Хитро, но подленько. Ну и протезе ты себе нашел, Черч. Он тебя продаст со всеми потрохами при первой возможности, и ты на сие подписался?»

Черч бросил: «Да брешет он. А вы уши развесили, как девки влюбленные. Блеф — ценное качество для контрабандиста».

Билл невинно хлопнул веками. Кривоносый туго стиснул

его воротник и развернул к себе.

«Послушай, шутник. Тебе тут не братство. Назовешь имя Черча или еще кого — мы сдадим тебя. Или сами прирежем раньше, чем судья чихнет. Понял? Круговая порука».

Билл кивнул — неспешно, с трудом, точно невидимая сила удерживала его за волосы. Его отпустили. Он выстраивал новый замысел: «Тогда скажу, что меня наняли носильщиком. Не знаю, кто. Приказы получал через записки и сжигал. Мне платят за доставку, что в тюках — не знаю».

«А коли начнут копать, кому везешь?»

«Тоже не знаю. Заказ оставляю в условленном месте».

«А коли не поверят?»

«Буду повторять, пока не поверят. Или пока не сдохну».

Кривоносый не прекращал наседать: «А коли предложат сделку? Имя в обмен на жизнь?»

Билл не сдержал смешок.

«Ложь и провокация. Никто не отпустит меня за имя. По закону».

«А коли пятки прижгут? Иглы под ногти вгонят? Или жёну твою в плен возьмут?»

Билл невольно потер ногти и на миг потерял темп.

«Назову схрон с потолка. Сего хватит им на пять дней допросов. За пять дней вы успеете уйти».

Поток вопросов прервался. Кривоносый замер, переварил. Засмеялся — беззвучно, трясаясь всем телом.

«Сукин сын. Я ему слово — он мне десять. Учти: дозна-

ватель сюсюкать не будет. Черч, где ты такого откопал?»

«Сам прибился. К Чапману. А тот мне подкинул найденыша».

Фамилия китобоя подействовала как пароль для входа. Обстановка ощутимо смягчилась.

Присвистывающий подался вперед, в ореол света. Осанистый, с седой головой, выбритый. Одет был хорошо: черный дублет, серебряные пуговицы, кружевной воротник. На пальце — перстень с печаткой. Окликнул, не оборачиваясь: «Ветч. Ты-то что думаешь?»

Некто отделился от стены. Билл заметил его не сразу — тот стоял в самом темном углу, сгорбившись. Ветч оказался мужем шотландской наружности с лицом узким, как киль. Он рассудил: «Парень мыслит правильно. Без сучка, да без задоринки. Меня сие настораживает».

«Отчего же?»

«Правильные ответы заучены. А заученные ответы — у шпионов».

Кривоносый вступил: «Он лжет. И лжет чересчур очевидно для шпиона».

Ветч настаивал: «Научиться лгать — не проблема. И сие опасно. Хороший лжец однажды может солгать нам».

Сократил дистанцию.

«Поклянись. И не на Библии. Поклянись матерью, что не предашь».

Билл нахмурился. Коли такого требуют в первый день —

как повысятся ставки в дальнейшем? Он процедил: «Клянись. Памятью матери. Что не сдам своих».

Уклончиво. Контрабандисты — не дураки. Вопрос был в том, устроит ли их такая полу-клятва.

Каждый по очереди поворачивал голову к другому, подавал понятный одним им сигнал, и дальше по цепочке, пока та не оборвалась на Черче; тот качнул полями шляпы — Билл слышал шорох одежд за спиной.

Ветч удовлетворился.

«Живи».

Отступил в тень. И исчез.

Прицепленный поднялся. Обошел стол и окинул жестом всех собравшихся.

«Видишь сих господ? Спроси любого — любой прошел через ад, прежде чем закончить тут. "Нора" — дыра та еще. Подполье, дно общества, — называй как знаешь. Уверен, что вписываешься?»

Билл запустил руку под кафтан и извлек голубые перья с индейского копья.

«Ад я, положим, не прошел. Зато с Чапманом прошел полсвета и еще полсвета обратно. С дикарями столкнулся — и выжил».

Прицепленный собирался осмотреть перья поближе, но Билл предусмотрительно сунул их обратно.

Контрабандист разочаровал его: «Сие не закалка. Сие удача. А удача кончается».

«Моя — пока нет».

У стены кто-то крикнул — громкое «ха!»

«...сопляк...»

Прицепленный прервал зарождающийся гомон: «Кхм. Допустим. Однако учти: уважение надо выгрызть. Кровью, не словами».

Поддал Биллу по спине — тяжеломерно, точно мешок набросил. Добавил без фанфар: «Добро пожаловать. Советую научиться спать с открытыми глазами».

Копилка качнулась в последний раз и стала гаснуть — масло выгорело.

Прицепленный покосился Биллу за спину, на Черча.

«Научи его там язык держать за зубами, капитан. На сегодня хватит с него. Потом со всеми познакомится».

Черч молчаливо выразил согласие и подпихнул Билла к двери, откуда они пришли. Прошелестел прямо над ухом: «...никогда не говори, что сдашь кого-то. Даже в шутку».

Билл обронил: «Уверен, меня самого сдадут, и не раз».

«Не сдадут. Друзьями быть необязательно. Зато обязательно — не стать картой, от коей вся колода посыплется».

Он собирался продолжить, но Билл перебил его, обращаясь ко всем напоследок: «Билл Хукер. Из Суонси. Я не вру о том, кто я».

Пауза. Прицепленный закатил глаза в чертоги разума, будто сверяясь со списком.

«Сын отца, что в упор не видит то, что есть. Зато видит

то, чего нет».

Черч поторопил ученика. Они уходили, и вдогонку им летели обсуждения.

«...без году неделя, а дерзит... такой либо королем станет, либо сгниет в канаве...»

«...ставлю на канаву».

После ночного ливня земля раскисла, и лошадиные копыта наплодили ямок, кои затягивало мутной водой. Штандарт Плимутской колонии на флагштоке повис мокрой тряпкой — ветра не было. Факелы горели у штабной палатки и оружейного стола. Остальное тонуло в зыбком сумраке.

Тренировки начались затемно. Капитан верил: рейнджер должен привыкать к темноте не хуже рыбы к воде.

Новобранцы выстроились по стойке «смирно», но сон клонил их вниз. Многие клевали носом, переминались с ноги на ногу.

Черч вышел из палатки. Спящих не отругал. Зачерпнул ковш из бочки и плеснул в лицо ближайшему. Тот подскочил, выругался.

Капитан объявил: «Доброе утро. Слушай сюда, зелень. С сегодняшнего дня за каждую ошибку — наказание».

Будущие рейнджеры вознегодовали.

«А ну цыц. На войне ошибка стоит жизни. Вашей или товарища. Вы должны, нет, вы обязаны отвыкать ошибаться».

Муштру открыла пробежка через полосу препятствий:

ямы, бревна, колючие ветви терновника. Не видно было ни зги, кроме силуэтов друг друга.

Сержант дал отмашку: «Начали!»

Новобранцы рванули. Один сразу ухнул в яму. Другой запутался в терновнике и порвал себе ухо. Третий вырвался, но напоролся на бревно — рассек бровь. Клубилось тяжелое дыхание, хлюпали сапоги по слякоти, лязгали пряжки.

Билл рысил посередине, не отставая, но и не срываясь во весь опор. Роланд цеплялся за его ремень.

Они взбирались на двухъярдные стены, перемахивали через тюки, проползали под досками, вихляли в кольях. В завершение — ров с водой. По пояс, с болотистым дном.

Сержант рывкнул: «В воду!»

Все сиганули в ров табуном диких коней. Кто-то охнул — вода была ледяной. Грязь отпечаталась по грудь, залилась в сапоги; и все же сильнейшие не останавливались.

В конце трассы поджидал капитан с фонарем. Он сверился с песочными часами.

«Итак, время. Лэнгли — первое место, Эшворт — второе. Остальные — в хвосте. Уже убиты индейцами. Зарубите на носу: пума нападает на слабую и отстающую особь».

Не успев перевести дух, юнцы скучковались — понурые, с каплями на ресницах. Черч расхаживал вдоль них.

«Вы мокрые? Холодно? Хочется в казарму, к очагу, к горячей похлебке? А индейцам — тоже. Только индеец терпит лучше. Потому что знает: кто не вытерпит — тот умрет».

Остановился.

«Хотите плясать неповоротливыми построениями, что так и говорят: "Вот мы, перебейте нас" — вам в королевских служивых. А мы маршировать по линейке не будем. Мы будем осваивать рассыпной строй. И индейскую тактику боя. Дабы бить врага его же оружием».

Хлопнул в ладони.

«Лучшие — метете плац. Худшие — отправляетесь сидеть в засаде. В лесу. Шесть часов. Без костра. Без воды. Без еды. Кто встанет — пойдет под трибунал».

Новобранцы не сдержали мученических стонов. Большинство уже сейчас готовы были рухнуть замертво.

«Молчать. Выполнять».

Все, за исключением двоих победителей, двинулись в ельник. Билл плелся поодаль, собирал одуванчики. Один воткнул себе за ухо. Роланд семенил за ним, и мокрая трава смывала грязь со штанов. Он прогундосил, вжимая ладонь в сырой нос: «Я не выдержу шесть часов».

Билл уверил: «Выдержишь. Думай о хорошем».

Сержант развел всех по позициям. Биллу досталось место под старой елью, где корни торчали из земли.

«Замерли! Не околачиваться тут. Не кашлять. Не сморкаться. Партизанить».

Дождь забарабанил по листьям, плечам, макушкам. Час тянулся вечностью, два — двумя.

Билл сменил уже третью позу. Он сосредоточился на му-

равьях, что деловито перетаскивали стройматериалы у его ног. Сто двадцать один. Сто двадцать два. Сто двадцать три.

Роланд копошился в низине, нанизывал ягоды рябины на иглу с ниткой и мастерил из них браслет.

Хрустнула чья-то затекшая шея. Еще у кого-то стучали зубы, и он беспрестанно чихал. Прочие тарасились в небо — кто с ненавистью, кто с мольбой.

На третий час муравьев насчиталось уже триста сорок.

Сержант сжалился: «Держитесь».

На пятом часу Роланду захотелось по нужде. Билл держал его за шиворот и не пускал за дерево. У иных выдержка кончилась — они засели в кустах, позабыв обо всем на свете.

Дождь перестал одновременно с испытанием. Солнце не выглянуло, но ясно было и сквозь тучи: оно в зените.

Явился Черч.

«Встать».

Новобранцы поднимались — кто со скрипом в молодых коленях, кто с пытением. Роланд пошатнулся на ватных ногах, ухватился за ель. Билл размял спину, встряхнул забившимися конечностями.

Капитан похвалил: «Кто выдержал — молодец. Кто нет — немолодец, будет пересдавать. А теперь — марш в казарму, сушиться».

И всю усталость рукой сняло. Юнцы понеслись в лагерь, как на кроссе не носились.

После обеда приступили к оружию.

Черч наставлял: «Когда враг рядом — нет времени думать. Нет времени молиться. Нет времени звать мамку. Либо ты делаешь, либо умираешь».

Сержант выкатил из штаба соломенных чучел — набитых сеном, с нарисованными углем лицами.

«Научитесь драться ножом. По очереди. Задача: поразить врага в горло, сердце или пах».

Первый размахнулся и всадил нож в грудь по самую рукоять.

Капитан одобрил: «Годится. Хотя грудину сложно пробить. Надо меж ребер. Дальше».

Второй бил в живот. Чучело вспоролось, сено посыпалось наружу.

«Плохо. В живот — долго. Враг успеет тебя прирезать, пока сам умирает. Бей в сердце или горло».

На следующие неуклюжие потуги капитан без комментариев скрещивал перед собой руки.

Роланд занес нож... и промахнулся. Лезвие скользнуло по соломе, не оставив и царапины.

«Еще раз. Бей не рукой — корпусом. Не бойся, чучело не укусит».

Роланд выдохнул. Ударил. Нож ровно пронзил горло.

Капитан удостоил его сдержанными аплодисментами.

«Не ожидал».

На стрельбе он следил одним глазом, как новобранцы возятся с мушкетами: разбирают замки, чистят стволы, сма-

зывают, меняют кресала. Кто-то уже управился и перекидывался шутками. Иной еще копался в винтиках, чертыхаясь сквозь зубы. Третьи застыли в ожидании команды «вольно».

Билла среди них не нашлось. Он слонялся на краю поляны, увлеченный своими делами.

Капитан выбил табак из трубки о каблук. Поднялся, без лишних движений зарядил мушкет. Порох, пыж, пуля, пыж. Вскинул, прицелился, выстрелил. Глиняный горшок на бревнышке разлетелся вдребезги.

«Давайте вы. Вперед и с песней».

Стреляли кто как мог — кто в молоко, кто в бревно, кто в небо. Руки тряслись, порох рассыпался мимо полки. Пуля треснула горшок, срикошетила и едва не ушла в сержанта.

Капитан процедил: «Аккуратнее. За рассыпанный порох на войне бьют».

Билл так и не соизволил проявить интереса.

Черч вышел из себя.

«Хукер! Долго будем ворон считать? Или тебе особое приглашение нужно?»

Все обернулись. Он не сконфузился, но чуть дернулся от неожиданного окрика.

«Да что там делать, сэр? Смысл мне чучела резать. Они не сопротивляются. А стрелять я умею».

«Ох как зазнался! Один случайно убитый индеец еще не делает из тебя умелого стрелка».

Капитан повернулся к строю.

«На сегодня — свободны. Ступайте выгребную яму копать. Землей да травой подышите — отдохнете, заслужили. Старую не трогайте. До завтра».

Утром лагерь пропах кровью. Черч распорядился принести две бараньи туши. Инструменты разложили: пинцеты, ножи, иглы с нитками, корпия. Он пояснил: «Сегодня шьете раны и учитесь ампутировать. В прошлый раз у вас получалось хуже, чем у пьяного портного. Кто не научится — тот в бою будет обузой».

Провел пальцем по наточенному тесаку.

«Ампутировать надо в темпе, чуть повыше места перелома. Пока раненный не очухался от боли».

Он оттяпал баранью ногу одним ударом. Сгустившаяся кровь брызнула на стоящих поблизости. Те побледнели и отвернулись.

«Раненый будет орать. А вы его не слушайте. Напоите, по башке дайте. Но сделайте свое дело. А коли не можете — отойдите и не мешайте тем, кто может».

Вытер руки о чистую ткань. Кто-то из новобранцев лишился чувств. Черч раздраженно выпустил пар сквозь плотно сжатые губы.

«А вы как хотели?»

На втором баране он сделал длинный надрез — от грудины до живота.

«Смотрите. Края раны ровные — шов удержат. Грязные — промыть водой. Хоть морской, хоть пресной. Иглу в кор-

пию, стежок за стежком. Не торопиться. Коли пуля засела — не лезьте в рану пальцами: хуже сделаете. Вот пинцет».

Он прошел рану грубыми стежками, завязал узел.

«Покажите, что я не зря вас учу. Парами».

Новобранцы потянулись к столу. Билл, напротив, прислонился к бочке. Роланд мялся с ним, не зная, куда себя деть.

Капитан взорвался, не видя его в упор: «Где опять бездельник Хукер?»

Билл возник у него под носом. Сделал на баране надрез и выудил пинцетом «пулю» — глиняный шарик, коий Черч заранее засунул под кожу.

Тот признал: «Неплохо. Доводилось уже?»

«Да нет».

Билл зашил — не шибко ровно, но крепко.

«Отец рыбу разделявал и меня припахивал. Там не баронские забавы — там надо живо, пока не протухла».

«Рыба — не человек».

«А разница? Кишки и там, и там. Разве что человек орет громче».

Черч потер уголок губ, скрывая смешок.

«Засчитано. Но сие не означает, что можно шлендрать без дела. В строй».

Полевое врачевание сменилось следопытством. Черч вывел отряд на опушку леса. Билл растворился в третьем ряду. Роланд — рядом, с краю, где никто не заденет локтем.

«Индийские тропы. Кто такие абенаки, знает кто?»

В первом ряду кто-то неуверенно поднял руку.

Черч ответил сам себе: «Воинственное племя. Сие и так ясно. Еще они — лучшие следопыты на всем восточном побережье. Торгуют с французами. Ненавидят англичан. Но не едят нас, не боятся: не переваривают».

Он раздвинул папоротники, указал на вмятину в земле.

«Кто помнит, как отличить след абенака от следа могикинина?»

Молчание.

Капитан спросил спину Билла, в очередной раз повернутую к нему: «А Вы, Хукер? Вы же такой умный».

Роланд привстал к уху Билла, и тот принялся повторять все, что он нашептывал: «...мокасин, абенакский. Шьют с боковым швом. А у могикиан — спереди. И подошва у абенаков тоньше. Они легче, бегают быстрее...»

Кое-что он мог добавить и от себя, вдохновившись сей импровизацией: «...прошел утром. С севера на юг. И торопился: шаг длинный, пятка вдавлена глубже носка».

«Откуда знаешь, что утром?»

«Края не осыпались. Дождь был вчера — размыл бы. А сей свежий».

Черч не улыбнулся.

«Правильно. Столкнетесь — пытайтесь договориться. Или стреляйте первыми, коли не удастся. Но помните: абенаки не прощают. Убьешь одного — придут десять. Сожгут дом, убьют скотину, вырежут семью. Но так многие враждеб-

ные индейцы делают».

Билл содрогнулся. Черч сие заметил, но не подал виду. Отодвинул другую ветвь.

«Хорошо. Сие чей?»

Один выпалил с места: «Английский!», и смущенно потух.

Черч кивнул одобрительно — мол, продолжай.

«Кхм... английский ботинок шире. У французов каблук уже. Стоптан слева — человек хромает или носит тяжести на боку. Наш, из лагеря. Прошел недавно».

«Великолепно. И последнее».

Капитан забрался на корень дуба с ободранной корой.

«Метка. Абенаки оставляют их, дабы обозначить границу охотничьих угодий. Кто мне скажет, что еще они оставляют?»

Роланд осмелел и вытянул руку. Черч направил на него два пальца, сложенные пистолем.

«Ветки, связанные в пучки. И куски бересты, засунутые в расщелины».

«Правильно. А зачем?»

Роланд не запнулся: «Дабы не заплутать или предупредить своих об опасности».

Черч добавил: «Или заманить врага в ловушку. Абенаки хитры. Что ж».

Он вышел из папоротников, вытряхнул иголки из складок куртки.

«Идите в лес. Каждый найдет три следа и доложит мне, чьи они. Нале-во. Шагом марш».

Роланда он задержал. Взял его подбородок, покрутил, рассматривая фиолетовый синяк под глазом.

«Что сие? Комары покусали?»

Роланд почесал синяк.

«Да, сэр... комары».

Капитан воззрел на него разоблачительно.

«Послушай. Ты либо не покрывай "комаров", либо сам учись постоять за себя. Я с тобой цацкаться не буду».

Подтолкнул его к лесу.

Билл углубился в чащу, туда, где почва мягче, и следы отпечатываются лучше. Нашел медвежью тропу, старую стоянку абенаков по обгоревшим углям. И волчий след — когти вдавлены в землю; зверь явно охотился.

Роланд куда-то задевался. Билл так увлекся с желанием поскорее отделаться от задания и отдохнуть в остатке дня, что не заметил пропажи. Пока кусты не зашевелились.

Двое из старших новобранцев — парней, что всегда на первых строках — обступили Роланда. Тот сидел на земле и сжимал разбитую губу.

Русый, с оспинами на щеке, чеканил: «Не ныть. Встал».

Роланд прошипел: «Пустите».

«Не пустим. Ты должен уметь дать сдачи. И за спиной Шипрайта не спрячешься».

Роланд толкнул его в грудь. Второй — не по-английски

темнолицый — повалил его и наступил на запястье. Роланд забился.

«Пусти! Больно!»

«Больно? А на войне еще больней будет. Не жди, пока поможут. Ты сам. Борись, Роланд».

Билл вышел к ним. Не с наскока — вразвалочку. Прорычал: «Отошли».

Русый оскалился.

«Чего тебе, Хукер?»

«Ты тупой, Лэнгли? Последний раз предупреждаю. Не трожь моего».

Темнолицый не понял: «Твоего? И давно он твоя собственность? Ты кто? Бегаешь от занятий, думает, умнее всех».

Билл огрызнулся: «Да уж поумнее тебя буду. Ты тут поменьше моего и многого не понимаешь. Так усвой: трогаешь мое — оGREбаешь».

«Да ну? И что сделаешь?»

«Проверишь?»

Темнолицый презрительно сплюнул, но нападать не спешил. Лэнгли развернул его за плечи.

«Оставь, Эш. Не связывайся. Черч следы ждет. Пускай возится с ним, коли нравится нянкой сосункам быть».

Они ушли, хрустя валежником.

Билл гаркнул им в спину: «Вот и бегите, трусы! Калечить вас не хочется».

Эшворт порывисто метнулся, но Лэнгли не дал ему пове-

стись на провокацию и увлек за собой.

Билл потыкал носком в Роланда. Тот поднялся.

«Спасибо. Я думал, они тебя ударят. Ты и впрямь нарывался».

«Не ударили бы. Они трусы. А трусы не нападают, когда им в глаза смотрят».

«Разве? Трусы не были бы на хорошем счету. Черч кого попало к себе не отберет. Самых смелых, самых сильных. А меня... в ополчение отдаст».

«А мы не хуже. Тоже докажем, что рейнджеры из нас — хоть куда. Смелые? Смелые. Сильные? Я — да. А тебя поднатаскаем. Джейкоб выздоровеет — он научит тебя бить так, дабы...»

Он помахал кулаком, не находя слов.

Роланд просиял.

«Убедил».

«Вот и отлично».

Билл притянул его к себе и неловко пригладил волосы.

«Ты... следы читать умеешь же? А то из меня следопыт, прямо скажем... как из осла скакун».

Вечером Черч разыскал Билла за казармами. Тот натачивал копье для рыбалки. Рядом на корточках сидел индеец — один из саконнетов, коих Черч привлек в ополчение после войны. Он плел сеть. Билл косился на него.

Капитан обратился: «Хукер. Ты многовато себе позволяешь. Тренировки пропускаешь без разрешения, шастаешь

неприкаянный, дедовщину учиняешь. Коли кто других задирает — мне сообщай, а не тумаки раздавай. Я самосуд тут не поощряю. Дисциплина едина для всех».

Билл сдул стружку с копья. Сделал выпад в сторону индейца, проверяя, шуганется ли.

«До тумаков и не дошло. Преувеличили, как обычно».

Черч нахмурился.

«Поднимись».

Билл закатил глаза, поднялся. Капитан сцепил руки за спиной, оглядел его сверху вниз.

«Я говорил: за ошибки буду карать. В наказание — ступай закапывать переполненную выгребную яму».

Билл скривился.

«А коли откажусь?»

«Тебе же хуже. Пойдешь мне под трибунал. За неоднократноеслушание приказов. И будешь нужники чистить до конца службы. То есть... еще лет сорок».

Билл замолчал — копил злость. Резко втянул воздух, но индеец вклинился между ними. Безмолвно испросил разрешения на что-то у капитана.

Тот, прочитав по глазам, отрезал: «Нет. Он один. Сие наказание, а не кружок рукоделия. Не нравится, Хукер, — иди к губернатору жаловаться. Но работа должна быть сделана к отбою. Иначе без завтрака».

Билл пробурчал себе под нос: «Вот гад. Семьи нет, что ли? Шел бы своих отпрысков строить лучше...»

Саконнет подпихнул его локтем, но поздно. Черч уже повернул голову, резко, точно ястреб заприметил добычу.

Билл зашагал к выгребной яме — на задах казармы, где воняло так, что мухи падали в полете. Трудился при скудном свете фонаря, коий повесил на колышек. Выкапывал землю, грузил на тачку, подвозил, засыпал старую яму.

Через час наведалься саконнет с корзиной свежих трав. Билл замер, взъерепенился. Нос его сморщился, и не от вони. Индеец, не обращая внимания на воинственность, разбросал траву вокруг. Аромат немного перебил нужник.

Билл зашелся кашлем.

«Ну, теперь смердит так, будто стадо коров обожралось сенной и навалило в поле».

Смягчился.

«Спасибо. Вали спать. Помолиться не забудь».

Он работал дотемна. Черч пришел проверить, как проходит. Встал чуть поодаль и зажал нос платком.

«Закончил?»

Билл вытер руки о траву.

«Как видите».

«Знаешь, что я о тебе думаю, Билл?»

«Что я хам и зазнайка?»

Капитан толкнул его в лоб.

«Не ерничай. Что тебе скучно. Ты и впрямь уже умеешь то, чему я учу новеньких. Посему шастаешь. Я прав? Все по-своему, даже коли велю иначе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.